

УДК 2-428

«НЕОЯЗЫЧЕСТВО» В СОВРЕМЕННОМ РЕЛИГИОВЕДЕНИИ: ПОПЫТКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

Священник **Виталий Щербаков**
магистр религиоведения,
первый проректор Тамбовской
духовной семинарии
E-mail: vitl.78@mail.ru

Для цитирования: Щербаков В., священник. «Неоязычество» в современном религиоведении: попытка определения понятия // *Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии*. 2019. Вып. 7. С. 16–29.

Аннотация

В данной статье представлена попытка определения понятия современного неоязычества путем анализа отдельных форм его деятельности. Автор прослеживает влияние представителей неоязычества на современную историческую, культурную, общественную и политическую среду России.

Ключевые слова: неоязычество; Православие; синкретичность; комплиментарность; национальная идентичность; прозелитизм; религиозная, политическая, социальная деятельность.

XX век по праву можно назвать «веком революций». Политические, социальные, нравственные потрясения затронули судьбы многих народов, изменив как государственные границы, так и культурные коды отдельных этносов. Не осталась в стороне и религиозная жизнь. Многообразие форм религиозных воззрений, которые породило ушедшее столетие, не перестает удивлять.

Новые вероучения, называющие источником своего вдохновения Библию, Коран, Бхагават-гиту и другие священные тексты, появляются наряду с учениями, авторами которых являются отдельные личности с собственными представлениями о божествен-

ности и возможностях человеческого совершенствования. Объединенные одним, используемым в религиоведческом сообществе термином – неорелигиозные движения – они, тем не менее, различаются между собой по степени влияния на общественное и индивидуальное сознание и по числу адептов.

Об одной из таких религиозных форм, действующих в России под названием неоязычников, и пойдет речь в данной статье, целью которой является определение самого понятия неоязычества через выявление отдельных форм его деятельности.

Известное еще 10–15 лет назад лишь узкому кругу специалистов, сегодняшнее неоязычество в значительной мере овладевает умами как молодежи, так и людей более старшего возраста. К феномену неоязычества обращено пристальное внимание правоохранительных органов, религиоведческих сообществ. Русская Православная Церковь опасность неоязычества определила еще на ранних этапах его становления, о чем свидетельствовала в декабре 1994 года определением Архиерейского Собора «О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме», а в дальнейшем подтвердила актуальность активизации миссионерской работы в отношении неязыческой идеологии постановлениями Священного Синода от 22 октября 2015 года (журнал № 77) и Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви, проходившего в период с 29 ноября по 2 декабря 2017 года (п. 14).

Проблема неоязычества и влияние его на Россию предполагает глубокое знакомство с темой язычества, которой занимались многие отечественные историки, философы и культурологи. Так, концептуализация понятий язычества была проведена в работах Б.А. Рыбакова [12, 13], А.И. Осипова [9], Г.А. Носовой [8], В.А. Чудинова [17], А.Л. Дворкина [4], В.Н. Демина [5] и др. Уделяют внимание феномену неоязычества исследователи, работающие на стыке философии, религиоведения и политологии, прежде всего А. Малащенко [11] и С. Филатов [11].

Необходимо отметить, что термин «неоязычество» устраивает далеко не всех представителей этого движения: сами себя они предпочитают именовать «родноверами», приверженцами «Традиции», либо просто «язычниками», отменяя приставку «нео-» как указание на что-то новое, в противовес претензии на древнее происхождение их религиозных воззрений.

За рубежом наряду с «неоязычеством» существуют схожие названия «Nature Religions», «Native Religions» («Естественные» и «Родные» религии), этнические религии и др.

Вместе с тем, осуществляя активную социально-политическую деятельность, начиная от клубов исторической реконструкции и заканчивая организацией радикальных экстремистских организаций, обладая значительным влиянием на формирование взглядов части нашего общества, до настоящего времени неоязычество не нашло должного отражения в отечественной публицистике и научных исследованиях. В частности, на современном этапе не существует единого определения термина «неоязычество», в полной мере отражающего сущность данного явления. На наш взгляд, это связано с тем, что существующий понятийный аппарат, относящийся к феномену неоязычества, не охватывает всех форм его деятельности, в связи с чем не может удовлетворить современное научное сообщество.

Одни религиоведы понимают под неоязычеством «новые религиозные движения, основанные на возрождении древних верований и обрядов, богов-покровителей (Перуна, Рода, Мокоши, Велеса и др.)» [10]. Другие трактуют неоязычество как «общенациональную религию, которая искусственно создается городской интеллигенцией из фрагментов древних локальных верований и обрядов с целью возрождения «национальной духовности» [18, с. 3], или как «новые религии, сконструированные на основе политеистических верований в целях поиска новой этнической идентичности и/или для разработки новой идеологической системы» [3, с. 44].

Современный российский исследователь А.В. Гайдуков говорит о неоязычестве, с одной стороны, как о своеобразной субкультуре, представляющей автономное образование внутри господствующей культуры [1, с. 24], с другой – как о совокупности религиозных, парарелигиозных, общественно-политических и историко-культурных объединений и движений, которые в своей деятельности обращаются к дохристианским верованиям и культам, обрядовым и магическим практикам, занимаются их возрождением и реконструкцией» [2, с. 12].

С определением, предложенным А.В. Гайдуковым, отчасти согласуется мнение сотрудника Центра истории и культурной антропологии Российской академии наук О.И. Кавыкина, усматри-

вающего в неоязычестве «во многом искусственно создаваемую интеллигенцией религию из дошедших до нас частиц древних языческих обрядов и верований» [7, с. 156 – 157].

Перечисленные выше авторы, говоря о неоязычестве, подчеркивая его искусственность, вместе с тем ссылаются на некие сохранившиеся исторические основы, способствующие его возрождению: былины, летописи, труды историков, археологов и этнографов, а также отдельные произведения литературы, кинематографии («Русь изначальная») и мультипликации («Детство Ратибора»). Вместе с тем невозможно отрицать и роли отдельных личностей, так называемых волхвов, реализующих в созданных ими неоязыческих общинах собственные религиозные фантазии, а также выражающих интересы определенных социальных групп.

Темой отдельной статьи может быть сопоставительный анализ возрождающегося язычества и появившегося неоязычества, между которыми практически не проводится различие, однако, на наш взгляд, оно, бесспорно, существует.

Детальное исследование вероучительных основ неоязычества и деятельности его представителей позволяют сделать вывод о том, что синкретичность и компилятивность являются важнейшими его признаками. Не существует ни одной псевдославянской, псевдоскандинавской и подобной им общины, вероучительная и обрядовая стороны которых были бы идентичны с другими общинами. Так, в славянском неоязыческом пантеоне можно встретить древнескандинавских богов Тора и Одина, а также заметить ритуалы, характерные для индуизма или зороастризма. Этого не скрывают и сами неоязычники. Так, на официальном сайте Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры имеются ссылки на заимствования по причине идентичности ряда неоязыческих праздников из индуизма [14].

Несомненно, лидеры неоязыческих общин создают их не столько для «восстановления веры предков» и не только для привлечения новых адептов, но, прежде всего, для интеграции результата своей деятельности в современную историческую, культурную, общественную и политическую среду. И эта черта нативизма может быть самой опасной для общества и государства, что и показал пример братской Украины, где основная часть карательных батальонов состоит из неоязычников.

Говоря о неоязычестве, нельзя не отметить такую его черту, как моноэтничность. Русский неоязычник, исходя из сути своего понимания веры, не может быть друидом или последователем возрождаемых древнегреческих или древнеримских религий. Он может быть только славянином, о чем свидетельствует их собственное утверждение: «Мы – объединение национально мыслящих людей, выступающих за национальную самоидентификацию славянского народа. Мы изучаем, сохраняем, передаем коренной обычай славян, возрождаем величие славянских Богов, возводим обрядовые сооружения и комплексы» [14].

На наш взгляд, проблема национальной идентичности, поставленная идеологами неоязычества во главу угла, скрывается в самом устройстве России как полиэтничного государства, где популяризация идеи о русских как государствообразующей нации фактически находится под запретом. Например, открытая демонстрация на публичных мероприятиях своей национальной принадлежности нередко вызывает пристальный интерес со стороны правоохранительных органов к лицу, ее осуществляющему, и приводит к проверке его на причастность к экстремистской деятельности. Так, молодых людей, появившихся во время проведения общественных мероприятий в футболках с надписью «Я русский» (или подобными ей), незамедлительно приглашают в отдел полиции для проведения профилактических бесед. (При этом участники событий в майках с надписями: «Я дагестанец», «Я мусульманин», «Я курд» – не вызывают подобной реакции правоохранительных органов.) Указанные меры призваны защитить интересы представителей национальных диаспор, проживающих на территории, исторически заселенной русским этносом, однако они вызывают внутреннюю негативную реакцию со стороны коренного населения.

Неоязычники, умело используя психологический мотив ущемления национального самосознания, в качестве одного из главных методов для вербовки новых адептов избрали возможность реализации в рамках общины национальной идентичности гражданина путем участия в массовых мероприятиях (вроде «русских пробежек»), общения к «русскому образу жизни», «исконной русской вере».

Для неоязыческих объединений характерно стремление участвовать в общественном дискурсе по поиску новой государственной

идеологии, новой национальной идентичности. Например, под типичную для подобных сообществ пропаганду здорового образа жизни среди русского населения подводятся идеологические основания: это необходимо по причине вымирания, истребления русского народа, который призван осознать свою историческую и современную миссию. Именно русский народ сыграл ведущую роль в формировании многонационального и многоконфессионального Российского государства, обеспечил его существование и процветание, а также повлиял на развитие соседних стран. Следуя данной логике, идеологи неоязычества делают вывод: не будет русского народа – не будет России, не будет ее народов, не будет близлежащих государств.

Таким образом, идея государствообразующего значения русского этноса, его особой миссии занимает центральное место в идеологии неоязычников, а в качестве доминирующего этнического признака в идеологии данных сообществ рассматривается религия. Для членов таких групп важнейшей мотивацией в поиске оснований собственной идентичности является оппозиция к господствующей культуре Православия. Культурные практики и религиозные представления становятся лишь одним из способов собственной идентификации наряду с такими формами, как проведение культурно-просветительских, спортивных мероприятий.

Обострение проблем национально-культурной самоидентификации непосредственно повлияло на рост национального самосознания и явилось одной из основных причин появления неоязычества в России. На это указывает и А.В. Гайдуков, по мнению которого неоязычество как общественное движение ориентировано на поиск новой национально-гражданской идентичности, которая формируется через обращение к сакральным дохристианским основаниям. Необходимо отметить, что любая религиозная деятельность, стремящаяся к упорядоченным формам, невозможна без совершения общественных богослужений, участие в которых принимает вся община. При этом для обеспечения видимой организации таких торжеств требуется их постоянство через кодификацию. В месяцеслове неоязычников в настоящее время перечислены 28 значимых для них праздников (Новый год, Водосвятие, Громница, Велесов день, Заклички, Комоедица и т.д.) [14].

Сопоставительный анализ имеющихся исторических описаний указных праздничных обрядов и порядка их проведения современными «волхвами» позволяет сделать следующие выводы:

1. Неоязычники утверждают, что их вера основана на единении с природой и не требует каких-либо кровавых жертв. Это противоречит их собственным описаниям порядка проведения праздников, где в жертву должны приноситься не только насекомые (мухи, комары, тараканы, осы и т.д.), как на праздник Рожаницы, но и курица, баран, бык в дни Мокоши, Спожинок и Перунов день, соответственно. В определенное время языческие обряды допускали и человеческие жертвоприношения, как описывается празднование Велесова дня: «...Горе тому, кто во время шествия попадет на встречу, будь то животное или человек: его бьют палками без пощады, предполагая, что в его образе скрывается „коровья смерть“. Когда-то в старину попавшихся навстречу убивали насмерть. Иных женщин, заподозренных в злом умысле, завязывали в мешок с кошкой и петухом, а затем зарывали в землю или топили» [14].

2. Представители неоязычества идеализируют родовые, семейные отношения, говорят об их неизменности, сакральности интимных отношений и недопустимости их выставления напоказ. Но на практике все выглядит следующим образом: «...Когда-то в старину был и другой обряд с бороздой и зерном, после которого появляются на свет дети, но теперь, в связи с изменениями нравов, обряд ограничен закланиями на стороны света» (День земли), «...Обязательны любовные игрища и пляски» (Семик – праздник огня), «Суженные <...> бегут к реке, где, разоблачаясь, омываются нагие в ночной воде. После же, скрепив поцелуем уста, рассыпавшись по берегу, ищут люб люба, оставаясь вместе до зари, и это не есть прелюбодейство, но есть восторженная жертва Богам, ведь нет владетеля человеку среди людей» (Купало). Имеются в описаниях праздничных обрядов и указания на необходимость прямого прелюбодеяния: «...В этот день отдают предпочтение воинским утехам, но не забывают и о делах любовных. Волхвы советуют провести ночь после праздника с женщиной. Плох тот воин, который одерживает победы только над врагом» (Перунов день) [14].

3. Из описания праздников также следует и нигде не афишируемое разделение жрецов по роду службы различным богам: «Зачин проводят жрецы Чернобога» (Корочун) [14].

Вышеуказанная четкая регламентация праздников логично требует и четкой регламентации при совершении культовых действий. Однако практически найти подтверждение существования универсального неоязыческого обряда не удалось. В 2018 году студентом Тамбовской духовной семинарии Я. Кравченко был проведен сравнительный анализ обрядов праздника «Комоедица», организованных представителями Тамбовской неоязыческой общины «Жива» в 2013 и 2018 годах. В результате было выявлено лишь внешнее сходство их проведения, при одновременном существенном отличии в текстах заклинаний и «молитв», а также в количестве активных участников культовых действий. Изученные видеоматериалы, размещенные на официальном сайте общины, свидетельствуют о том, что обрядовая сторона неоязыческого культа ничем не подкреплена, что приводит к существенным изменениям в его проведении даже по прошествии относительно короткого временного отрезка. Произвольный порядок праздника, при совершении которого каждый раз возносятся «молитвы» к разным божествам, к духам предков и даже к некому «единому, всевышнему, многопроявленному богу», отражает фантазийный, а точнее, пародийный характер подобных «богослужений». Становится очевидным, что замысел о возрождении «веры предков» имеет цель привлечь общественное внимание к отдельным персонам, является одним из способов эпатажа.

Деятельность неоязычников не ограничивается только религиозно-обрядовой стороной. Родноверы на протяжении длительного времени активно занимаются социальной и политической деятельностью, что можно наблюдать на примере входящей в состав Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры Тамбовской славянской общины «Жива» и ее лидера Александра Архипова (он же волхв Добройар). На сегодняшний день им создан центр славянской культуры «Лада», который активно участвует в городских экологических и социальных проектах, а именно:

- во взаимодействии с городскими властями либо с их согласия осуществляет различные субботники в городских зеленых зонах;
- путем подачи судебных исков и участия в судебных заседаниях активно выражает свою гражданскую позицию по защите протекающей через центр г. Тамбова реки Студенец, которую из-

за строительства современного торгово-развлекательного центра заключили в коллектор [15];

- занимается организацией концертно-познавательных программ о славянской культуре в рамках празднования Дня города;
- проводит выездные мероприятия в средних общеобразовательных и средних специальных образовательных учреждениях, где учащимся преподносятся специфические, тенденциозно подобранные факты об истории России и государственно-конфессиональных отношениях;
- организует встречи с общественностью в Тамбовской областной научной библиотеке им А.С. Пушкина, домах культуры.

В качестве примера активной деятельности неоязычников по распространению своей идеологии можно привести размещенный на странице Александра Архипова в социальной сети «ВКонтакте» видеотчет с названием «Фестиваль славянской культуры» [16], где в праздничные мероприятия, включающие хороводы, угощения блюдами национальной кухни, элементы рукопашного боя, демонстрацию средневековых доспехов и оружия, обучение ремеслам и т.д., вовлечено большое количество жителей г. Тамбова.

Осознавая важность интеграции в современное социально-политическое пространство для продвижения своих идей, родневы постоянно расширяют границы своего влияния и совершенствуют формы деятельности. При этом от граждан, участвующих в подобных мероприятиях, нередко утаивается религиозная принадлежность организаторов, а периодически на отдельных площадках демонстрируются православные иконы и символика, что уже является прямой прозелитической деятельностью.

Высокая гражданская активность славянской общины не остается незамеченной как со стороны органов власти, так и общественных организаций, что позволяет неоязычникам получать определенное социальное одобрение. Так, вышеуказанный Александр Архипов (Доброяр) был удостоен книжной премии «За сохранение и популяризацию культурного наследия», которую учредила известный тамбовский искусствовед Марина Александровна Климкова: 10 апреля 2018 года в областной научной библиотеке им. А.С. Пушкина ему, как члену группы «Спасем Студенец», был вручен первый том серии книг «Тамбовская губерния на дореволюционных открытках». По словам М.А. Климковой, она

отметила наградой человека, который, «в последние годы отстаивает культурное наследие в центре города, не жалея сил и не боясь испортить свою репутацию». На сайте Союза Славянских Общин Славянской Родной Веры также размещены грамоты и благодарности от спортивных и оздоровительных организаций, благотворительного фонда «Мир детства» [14].

Таким образом, подводя итоги многогранной деятельности современных лидеров и адептов родноверия по пропаганде своего учения как «древнего и исконно русского», можно определить, что современное неоязычество – это синкретическое этноцентричное неорелигиозное движение, возникшее во второй половине XX века и основанное на воссоздании отдельных древних верований и обрядов в соединении с собственными представлениями реконструкторов о порядке их проведения и о символическом значении используемых религиозных элементов с целью дальнейшей их интеграции в современную историческую, культурную, общественную и политическую среду Российского государства.

Список литературы

1. *Гайдуков А.В.* Молодежная субкультура славянского неоязычества в Петербурге // Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга : социологический и антропологический анализ. – Санкт-Петербург : Институт социологии РАН, Санкт-Петербургский филиал : Норма, 1999. – С. 25–51.

2. *Гайдуков А.В.* Идеология и практика славянского неоязычества : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Специальность 09.00.06 – философия религии / РГПУ им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2000. – 165 с.

3. *Гурко А.В.* Новые религии в Республике Беларусь : генезис, эволюция, последователи. – Минск : МИУ, 2006. – 274 с.

4. *Дворкин А.Л.* Сектоведение : тоталитарные секты : опыт систематического исследования. – Нижний Новгород : Христианская библиотека, 2012. – 816 с.

5. *Демин В.Н.* Загадки русского междуречья / Демин В.Н., Назаров В.Н., Аристов В.Ф. – Москва : Вече, 2008. – 448 с.

6. *Демин В.Н.* Уральская Гиперборея. – Москва : Вече, 2010. – 320 с.

7. *Кавыкин О.И.* Родноверы : (самоидентификация неоязычников в современной России). – Москва : Институт Африки РАН, 2007. – 232 с.
8. *Носова Г. А.* Язычество в православии. – Москва : Наука, 1975. – 152 с.
9. *Осипов А.И.* Путь разума в поисках истины. – Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2014. – 496 с.
10. *Прибыловский В.В.* Неоязыческое крыло в русском национализме. 31.10.2002. Текст: электронный // «Религия и СМИ» МПТР : [сайт]. <http://www.religare.ru/article.php?num=490> (дата обращения: 22.06.2019).
11. Религия и глобализация на просторах Евразии / Московский Центр Карнеги ; под ред. А. Малашенко и С. Филатова. – Москва : Неостром, 2009. – 341 с.
12. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. – Москва : Наука, 1981. – 330 с.
13. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. – Москва : Наука, 1980. – 271 с.
14. Союз Славянских Общин Славянской Родной Веры. Текст: электронный URL: <https://www.rodnovery.ru/> (дата обращения: 08.07.2019).
15. *Смолев А.* Язычники о жизни в православном Тамбове. Текст: электронный // Твой Тамбов : информ. сайт г. Тамбова. URL: https://tmb.news/exclusive/reportage/yazychniki_o_zhizni_v_pravoslavnom_tambove/?sphrase_id=3321484 (дата обращения: 20.07.2018).
16. Фестиваль славянской культуры. Тамбов, 2017. Текст: электронный // [Персональная страница А. Архипова]. URL: https://vk.com/videos-146118008?z=video-40926371_456239061%2Fclub146118008%2Fpl_-146118008_-2 (дата обращения: 23.07.2018).
17. *Чудинов В.А.* Священные камни и языческие храмы древних славян : опыт эпиграфического исследования изд. – Москва : Фаир-Пресс, 2004. – 624 с.
18. *Шнирельман В.А.* Неоязычество и национализм : восточно-европейский ареал // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – Москва, 1998. – № 114. – С. 1–25.